

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Л. Смит¹

Университет Чапмана (Ориндж, США)

УДК: 330.81, 330.82

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-13

АДАМ СМИТ О БЛАГОДЕЯНИИ, СПРАВЕДЛИВОСТИ И ОБЩЕСТВЕ

В «Теории нравственных чувств» Адам Смит (1759 г.), во-первых, формулирует теорию сообщества, или человеческой социальности, основанную на двух нравственных столпах, которые относятся исключительно к поступкам человека: Благодействие и Справедливость. Во-вторых, тщательно проводя различие между общим свойством людей иметь собственный интерес и действиями, вызванными этим интересом, Смит моделирует многообразные формы поведения человека среди людей, причем все эти люди знают, что каждый из них преследует свои собственные интересы. В-третьих, он находит в религии свидетельства того, что нравственность возникла еще в древности практически во всех культурах. Методология анализа Смита, которая сначала исследует истоки человеческой деятельности, а затем ее последствия, все так же актуальна для понимания социальных и экономических процессов XXI в. Настоящая статья посвящена раскрытию указанных аспектов творчества Адама Смита. В первом разделе показывается, как именно благодеяние и справедливость выводятся из эгоистических интересов людей. Во втором разделе демонстрируется, как Адам Смит на основе разграничения между общностью свойств человека и многообразием их личных интересов и действий объясняет процесс формирования социальных правил, появления религии и нравственности. Результатом настоящей статьи выступает доказательство тезиса: теория естественной свободы Адама Смита выстраивается не только на основе возможности реализации личного интереса, но и на предшествующих этой реализации концептах благодеяния и справедливости, разработанных еще в «Теории нравственных чувств». Таким образом, для комплексного понимания «Богатства народов» необходимо концептуальное сопряжение с более ранними идеями Смита.

Ключевые слова: история экономических учений, Адам Смит, политическая философия, методология экономической науки.

Цитировать статью: Смит, В. Л. (2024). Адам Смит о благодеянии, справедливости и обществе. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 59(6), 240–247. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-13>.

¹ Смит Вернон Л. — профессор экономики и права Университета Чапмана; лауреат премии памяти Альфреда Нобеля по экономике (2002); президент Международного фонда экспериментальных экономических исследований; e-mail: vsmith@chapman.edu.

© Смит Вернон Л., 2024 

V. L. Smith

Chapman University (Orange, USA)

JEL: A11, A13, B1, B12, B31, B41

ADAM SMITH ON BENEFICENCE, JUSTICE, AND SOCIETY

In “The Theory of Moral Sentiments” Adam Smith (1759) first formulates a theory of community, or human sociality, based on two moral pillars that relate exclusively to human actions: Beneficence and Justice. Second, by carefully distinguishing between the common property of people to have self-interest and the actions prompted by this interest, Smith models the diverse forms of human behavior among people, all of whom know that each of them is pursuing his own interests. Third, he finds evidence in religion that morality arose in ancient times in virtually all cultures. Smith’s methodology of analysis, which first examines the origins of human activity and then its consequences, remains relevant for understanding the social and economic processes of the 21st century. This article is devoted to revealing these aspects of Adam Smith’s work. The first section shows how exactly beneficence and justice are derived from the selfish interests of people. The second section demonstrates how Adam Smith, based on the distinction between the commonality of human properties and the diversity of their personal interests and actions, explains the process of the formation of social rules, the emergence of religion and morality. The result of this article is the proof of the thesis: Adam Smith’s theory of natural freedom is built not only on the basis of the possibility of realizing personal interest, but also on the concepts of beneficence and justice that preceded this realization, developed in the “Theory of Moral Sentiments”. Thus, for a comprehensive understanding of the “Wealth of Nations”, a conceptual connection with Smith’s earlier ideas is necessary.

Keywords: history of economic thought, Adam Smith, political philosophy, methodology of economics.

To cite this document: Smith, V. L. (2024). Adam Smith on beneficence, justice, and society. *Lomonosov Economics Journal*, 59(6), 240–247. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-13>

**Благодействие и справедливость исходят от людей,
имеющих эгоистические интересы,
поскольку их эмоции благодарности и негодования
требуют соответствующих действий**

В терминологии Адама Смита гражданское общество держится на двух столпах: это благодеяние и справедливость (Smith, 1759, p. 112). Благодействие означает все действия одного человека по отношению к другому, которые признаются как полезными, так и должным образом мотивированными. Тот, на кого направлено благодеяние, а также любой информированный сторонний наблюдатель согласится с тем, что это действие задумано, чтобы принести пользу, и оно действительно приносит пользу

выбранному получателю. Смит недвусмысленно заявляет, что такие действия «кажется, только и требуют вознаграждения; потому что только они являются одобренными объектами благодарности или вызывают сочувственную благодарность зрителя» (Smith, 1759, p. 112).

Напротив, справедливость — это добродетель, нарушение которой «наносит вред: оно определено причиняет реальное страдание некоторым конкретным людям; мотивы такого нарушения, разумеется, не могут быть одобрены» (Smith, 1759, p. 112).

Положение Смита о нарушении справедливости является отражением его высказывания о благодеянии: «Пагубные действия, проистекающие из ненадлежащих мотивов, кажется, одни заслуживают наказания; потому что только они являются одобренными объектами негодования или возбуждают сочувственное негодование зрителя» (Smith, 1759, p. 112).

Чтобы никто не думал, что производящие эти действия люди бескорыстно стараются ради общего блага или для уменьшения общего зла, Смит недвусмысленно заявляет:

«Хотя может быть и верно, что каждый индивидуум... естественно предпочтает себя всему человечеству, он, тем не менее, не смеет, встав перед всеми людьми, признать, что он действует в соответствии с этим принципом. Он чувствует, что они никогда не смогут согласиться с ним в этом предпочтении и что каким бы естественным оно ему ни казалось, для других оно всегда будет чрезмерным и нелепым. Когда он смотрит на себя в свете, в котором, как ему известно, будут смотреть на него другие, он видит, что для них он всего лишь один из множества, ничем не лучше, чем остальные люди... он должен... смирить высокомерие своего самолюбия, сведя его к отношению, с которым смогут согласиться другие» (Smith, 1759, p. 120).

Из этих двух столпов справедливость является более важной, поскольку «общество... не может существовать среди тех, кто в любое время готов нанести вред и причинить страдание друг другу» (Smith, 1759, p. 124).

Обратите внимание, что в концепциях Смита о благодеянии и справедливости в любом обществе мы видим ясное и четкое различие между хорошими, полезными и добрососедскими действиями, которые один человек может совершить для другого, и его же плохими, вредными и недобрососедскими действиями. Благодеяние может естественным образом привести к настоящей взаимности, подкрепленной благопристойностью, что означает разрешение, согласие или, по словам Смита, *одобрение* на уровне сообщества. В экономике это ведет к торговле и созданию богатства при условии, что у нас есть справедливость. Это тема второй книги Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776).

Поскольку трети лица, естественно, сочувствуют жертвам пагубных действий, вызванных дурными намерениями, правосудие стремится наказать такие действия, от убийства до воровства, от грабежа до нарушения обещаний или контрактов (хотя последнее не уголовное преступление, а всего лишь гражданское правонарушение); борьба с этими злодеяниями и является основой собственности². «Справедливый (в значении “не бесчестный”, как в правилах честной игры) и беспристрастный зритель», о котором пишет Смит, требует, чтобы наказание было не больше и не меньше того, что соответствует нарушению и негодованию, которое он испытывает.

Следует обратить особое внимание на то, что в дилемме Смита справедливость не имеет ничего общего с результатами распределения, поскольку она направлена исключительно на обеспечение защиты от ущерба, тогда как вопросы распределения связаны с благодеянием и экономической выгодой.

Но, конечно, в обоих случаях было бы преувеличением утверждать, что такие действия сами по себе требуют вознаграждения или заслуживают наказания. Для Смита это не так, что явствует из различия, которое он проводит между эмоциями, которые требуют наших действий, и эмоциями, которые находят удовлетворение без нашего участия. Например, мы радуемся, когда друга повышают по службе, хотя это действие находится вне нашего контроля.

Конечно, благодарность и обида — не единственные чувства, представляющие интерес, когда речь идет о счастье или несчастье других, «но не существует иных чувств, которые так непосредственно побуждали бы нас стать их орудиями». Любовь и уважение — это эмоции, связанные с семьей, друзьями и соседями, которые близки нам. В отношении любого из них «наша любовь, однако, полностью реализуется, хотя его счастье должно осуществиться без нашей помощи. Все, чего желает это чувство, — это видеть его счастливым, не задумываясь о том, кто был автором его процветания. Благодарность, однако, не может быть удовлетворена таким образом. Если человек, которому мы многим обязаны, становится счастливым без нашей помощи, то это, хотя и радует нашу любовь, не удовлетворяет нашей благодарности. До тех пор, пока мы не вознаградим его, пока мы сами не будем способствовать его счастью, мы будем чувствовать себя

² Наказание за кражу или грабеж превышает наказание за нарушение договора, потому что первое отнимает у нас то, чем мы владеем, тогда как второе только разочаровывает нас в том, чего мы ожидали (Smith, 1759, p. 121). Хотя Смит и не ссылается на это конкретно, это утверждение подразумевается его предложением об асимметрии между прибылями и убытками, которое он выводит из фундаментальной асимметрии между человеческой радостью и горем: «Мы страдаем больше... когда падаем из лучшего положения в худшее, чем когда-либо наслаждаемся, когда поднимаемся из худшего в лучшее» (Smith, 1759, p. 311).

обремененными тем долгом, который наложили на нас его прошлые услуги». Отсюда появление таких фраз, как «долг благодарности» и «я твой должник», глубоко укоренившиеся в английском языке и мышлении, что указывает на их мощное и все еще растущее влияние в качестве общественной нормы.

Точно так же эмоции ненависти и неприязни, которые мы можем испытывать к некоторым, могут быть удовлетворены без нашего вмешательства (Smith, 1759, p. 94–95).

Следовательно, эмоции благодарности и обиды уникальны тем, что призывают того или иного получателя блага или ущерба ответить источнику этого блага или ущерба вознаграждением или наказанием.

Вот повествовательная иллюстрация расчета блага — благодарности — вознаграждения, связанного с Благодеянием:

«Сегодня понедельник, день вывоза мусора в вашем районе, и прежде, чем отправиться из дома в контору, вы выкатываете мусорный бак из-за ворот на обочину дороги. Вернувшись вечером после напряженного дня, вы забываете закатить его обратно, чтобы избежать штрафа, так как рано утром во вторник там пройдет уборщик улицы. Ваша соседка, закатывая мусорный бак, замечает, что вы забыли убрать свой, и любезно вам его привозит. На следующих выходных вы срываете с одного из своих деревьев несколько дополнительных авокадо и несете их соседке с намерением поблагодарить ее за то, что она привезла ваш мусорный бак. Ее нет дома, поэтому вы оставляете их на пороге».

Стоит заметить, что в этом социальном обмене соседи имеют много информации относительно графиков вывоза мусора и подметания улиц, связанных с этим обязанностей и того, у кого есть деревья авокадо. Более того, все основные действующие лица строго блеют свой интерес; ибо именно так каждый из них на собственном опыте знает, что весьма неприятно передвигать мусорные бочки и получать судебные повестки, и что вы и ваш сосед оба любите авокадо. Но собственный интерес никаким образом не мешает вашей и ваших соседей предрасположенности к действиям в интересах других людей.

А вот история, иллюстрирующая расчет справедливости — возмущения — наказания:

«Когда ваши соседи-супруги поздно возвращаются домой после просмотра фильма, грабители убегают через заднюю дверь, унося ювелирные украшения и коробку старинного серебра. Соседи, полные страха и возмущения, звонят в полицию и сообщают им данные об украденных вещах. Когда они вам об этом рассказывают, вы чувствуете их страх и возмущение. Грабителей, вдруг решивших ограбить дом в своем рай-

оне, как ни странно, поймали и арестовали. Соседи в восторге от действий полиции и испытывают глубокое удовлетворение, сообщая подробности, сделавшие арест возможным; когда они рассказывают вам о счастливом разрешении ситуации, вы полностью разделяете их восторг».

Адам Смит о правилах, происхождении религии и появлении нравственности

Адам Смит верил, что всякий порядок и в космосе, и в человеческом существовании имеет божественное происхождение. Порядок не был случайным или необъяснимым вероятностным свойством нашей чувственной реальности. Для Смита порядок подразумевает план, а план подразумевает наличие создателя, и наоборот. Со свойственной ему проницательностью Смит также увидел в религиозных верованиях и в том, что эти верования имеют много общих черт в различных древних и новых культурах, убедительное свидетельство человеческого опыта о том, что нравственность глубоко укоренена в природе — в том медленном эволюционном процессе, который позволил нам создать устойчивые сообщества гражданского порядка, но в то же время выявил источники потенциальной нестабильности.

Так, Смит утверждал, что в древнейших человеческих суевериях мы находим божественных существ, которым мы «приписывали» все самые темные страсти человеческой природы, «такие как похоть, голод, склонность, зависть, месть». Равным образом и божественные добродетели не лишены представителей, воплощающих все те качества, коими люди наиболее горячо восхищаются в своей «любви к добродетели и милосердию и отвращении к пороку и несправедливости» (Smith, 1759, p. 232). Следовательно, человечество опиралось на накопленный опыт как зла, так и добра, чтобы вообразить идеальные формы, которые и были зафиксированы в религиозных верованиях. Нравственное поведение было естественным, оно являлось частью Природы — создательницы нашей морали.

Человек, которому сознательные действия другого нанесли вред, призывал Бога «свидетельствовать о том зле, которое ему причинили» ... и «человек, причинивший вред, чувствовал себя достойным объектом ужасной ненависти и негодования человечества» (Smith, 1759, p. 232–233). В конечном итоге эти «естественные надежды, страхи и подозрения передавались посредством сочувствия и подтверждались воспитанием; боги же были представлены повсеместно: считалось, что они вознаграждают за человечность и милосердие и мстят за вероломство и несправедливость» (Smith, 1759, p. 233). Более того, даже самые грубые формы религии утверждали возникающие «правила нравственности задолго до эпохи абстрактных рассуждений и философии. Ужасные кары, которыми грозили религии, укрепляли естественное чувство долга, которое имело настолько боль-

шое значение для счастья человечества, что природа не могла оставить его в зависимости от медлительности и неопределенности философских исследований» (Smith, 1759, р. 233).

Когда тысячи лет спустя ученые-исследователи обратились к происхождению и функциям нравственности в человеческом культурном сообществе, они «подтвердили эти первоначальные предчувствия природы». Хотя можно полагать, что нравственность основана на разуме или врожденном инстинкте или некоем нравственном чувстве, «или на каком-то другом принципе нашей природы, нельзя сомневаться, что все это дано нам для того, чтобы мы вели себя правильно в этой жизни». Правила нравственности несут на себе отпечаток высшей власти, они явственно служат нам изнутри как самодержавные законодатели, которые управляют и контролируют «все наши действия,... чувства, страсти и аппетиты, а также судят, что из этого может быть позволено, а на что должны накладываться ограничения» (Smith, 1759, р. 233).

Эти нравственные способности не находятся на одном уровне (как утверждают некоторые) «с другими способностями и стремлениями нашей природы, поскольку они могут сдерживать эти другие стремления, а те не могут делать того же в отношении моральных способностей. Никакая другая способность или принцип действия не могут судить о какой-либо другой способности или принципе. Любовь не судит об обиде, а обида не судит о любви. Эти две страсти могут быть противоположны друг другу, но нельзя даже с минимальным основанием сказать, что они одобряют или не одобряют друг друга. Но удивительное предназначение нравственных способностей заключается в том, чтобы судить, осуждать или аплодировать всем другим принципам нашей природы. Их можно рассматривать как разновидность чувств, объектами которых являются упомянутые принципы и стремления» (Smith, 1759, р. 233–234).

С своим привычным вниманием к деталям Адам Смит продолжает развивать тему уникальности наших чувств и контроля над ними со стороны нравственных законов.

Каждое чувство господствует над принадлежащими ему объектами. Суждение глаза о красоте цвета не оспаривается; так же как суждение слуха о гармонии или чувства вкуса о вкусе какого-либо вещества. То, что приятно на вкус, сладко; радует глаз — красиво; радует слух — гармонично. Каждое качество пребывает в том чувстве, к которому оно обращено. Точно так же «дело наших нравственных способностей... определять, когда следует утешать ухо, доставлять удовольствие глазу, баловать вкус; благодаря этим способностям мы понимаем, когда и в какой степени каждому из естественных чувств можно предаваться, а когда их необходимо ограничивать... То, что приемлемо для нашего нравственного чувства, есть уместно, правильно и прилично; то, что неприемлемо для него, наоборот, есть неуместно, неправильно и неприлично... Сами слова “пра-

вильный”, “неправильный”, “подходящий”, “неуместный”, “красивый”, “неподобающий” означают только то, что приятно или неприятно нашим нравственным чувствам» (Smith, 1759, p. 234).

Автор этого всеобъемлющего исследования основ сообщества и пути от правильности к праву собственности был готов завершить «Богатство народов» и разработать свою теорию естественной свободы. В своей первой книге он позаботился о том, чтобы в обобщающем предложении условие справедливости поставить перед сказуемым: «Каждый человек, пока он не нарушает законы справедливости, имеет полную свободу преследовать свои собственные интересы и действовать как считает нужным» (Smith, 1776, vol. 2, p. 184).

Список литературы

Smith, A. (1776). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations by Adam Smith, edited with an Introduction, Notes, Marginal Summary and an Enlarged Index by Edwin Cannan* (London: Methuen, 1904). Vol. 1 & 2. <https://www.libertyfund.org/books/an-inquiry-into-the-nature-and-causes-of-the-wealth-of-nations-set/>

Smith, A. (1759). *The Theory of Moral Sentiments; or, An Essay towards an Analysis of the Principles by which Men naturally judge concerning the Conduct and Character, first of their Neighbours, and afterwards of themselves.* To which is added, A Dissertation on the Origins of Languages. New Edition. With a biographical and critical Memoir of the Author, by Dugald Stewart (London: Henry G. Bohn, 1853). <https://oll.libertyfund.org/title.smith-the-theory-of-moral-sentiments-and-on-the-origins-of-languages-stewart-ed>